

Бросая слово «слабоумная» в лицо наложнице Сянь-фэй, Хан Сиэнь оставался совершенно невозмутим. Его голос звучал мягко, почти ласково. Стоявшие же позади него члены семьи Хань во главе с Хан Минчжу на мгновение лишились дара речи, решив, что у них начались галлюцинации. Десятки потрясенных взглядов скрестились на юноше.

Хан Юнь на миг растерялась. Она недоверчиво сощурилась, словно не до конца расслышав или не сумев осознать смысл оскорбления, и переспросила с сомнением в голосе:

— Что ты сказал?

— Слабоумная, — без тени робости повторил Сиэнь.

Теперь наложница окончательно убедилась, что слух её не обманул. Захлебнувшись яростью, она зло рассмеялась и процедила сквозь зубы:

— Эй, кто-нибудь! Наследник герцога Хань выказал непочтение к вдовствующей императрице и оскорбил меня. Поставить паршивца на колени прямо здесь, перед Дворцом Вечного Доверия! Забить до полусмерти!

Едва прозвучал этот приказ, как Сиэнь прищурился и тихо рассмеялся, окинув тётушку пренебрежительным взглядом. Он с искренним любопытством наблюдал за дворцовой стражей, застывшей в нерешительности у ворот, а также за замершими служанками и евнухами.

Вряд ли сама Сянь-фэй знала, сколько среди них шпионов императора, а сколько — преданных лично ей слуг.

Пока стражники колебались, Сиэнь лениво протянул:

— Почтенная наложница, должно быть, подзабыла, что пусть я и нечасто бываю на людях, титул Наследника дарован мне лично Его Величеством. Пусть я пока не служу при дворе, ранг мой высок, а в будущем мне суждено войти в число высших сановников империи. Ни одна безродная дворняга не смеет и пальцем меня тронуть. Вы же — лишь одна из наложниц государя, обитательница женских покоев. Или вы уже возомнили себя хозяйкой гарема, способной затмить ладонью небо? Откуда в вас столько дерзости, чтобы самовольно карать благородного Наследника?

Видя, как лицо Хан Юнь от этих ядовитых, пусть и притянутых за уши слов наливается багровым гневом, Сиэнь ощутил, как копившееся раздражение отступает. Он даже повеселел и продолжил с явным удовольствием:

— К тому же, по милости кое-каких злобных тварей я слишком долго пролежал в постели под воздействием яда, отчего характер у меня испортился. Зато теперь я прозрел и полюбил

простые решения: если помирать, так с музыкой и прихватив всех за компанию. Коль вам так хочется выставить меня бунтовщиком и наказать, учтите — я человек ранимый, обид не терплю. Чего доброго, возьму да и испущу дух прямо у дверей вашего дворца. Напомню, что заботиться о моём здоровье Его Величество поручил лекарю Чжоу, да и во дворец я явился по высочайшему указу. Когда император пожелает меня видеть, вам придётся изрядно попотеть, сочиняя оправдания. Как так вышло, что в свой первый же визит во дворец юноша скончался у ваших ворот? А может, перед кончиной я успею выкрикнуть во весь голос: «Поместье герцога Хань испокон веков хранило верность короне и скорее погибнет, чем поддержит Пятого принца в притязаниях на трон!»? Вдруг такой сценарий вам понравится больше? Впрочем, одной смертью вас не напугаешь — чай, не впервой трупы убирать. Из этих садов так разит кровью, что сразу ясно: костей тут зарыто немало. Одним покойником больше, одним меньше — какая разница?

Хан Юнь сверлила Сиэня яростным взглядом. В её глазах бушевало пламя, способное заживо сжечь этого наглеца, который с самым ленивым видом сыпал открытыми угрозами.

Она прекрасно понимала, что это не пустые слова. В последние годы из-за бесконечных споров о престолонаследии император казнил немало людей. Парочка цензоров даже насмерть расшибли лбы о драконьи колонны в зале приемов, отстаивая своё мнение. Сейчас никто не смел испытывать терпение государя, тем более намекать на то, что кто-то спит и видит, как бы усадить своего сына на трон.

Если этот сумасшедший действительно пойдёт до конца и выкрикнет крамолу, государю будет неважно, ложь это или правда. Гнев монарха окажется страшен, и тогда ни ей самой, ни Пятому принцу не видать покоя.

Дворец Вечного Доверия принадлежал ей, и приказать забить юношу до смерти казалось делом нехитрым — оправдание нашлось бы всегда. Однако наложница не смела рисковать. Холодные, пустые глаза Сиэня красноречиво говорили, что смерть его не страшит. К тому же она совершенно не доверяла собственным слугам, опасаясь чужих соглядатаев.

От этих мыслей Хан Юнь с такой силой вцепилась в запястье стоявшей рядом служанки, что под её длинными ногтями проступила кровь. Девушка даже не поморщилась — лишь ниже опустила голову, выказывая полную покорность.

В голове наложницы лихорадочно проносились мысли. Сиэнь говорил дерзко, никого не стесняясь. Оставить его безнаказанным означало потерять авторитет в гареме. Но покарать мерзавца — значило погубить собственного сына, Цзи Хуая.

Наконец наложница вымученно улыбнулась. Сама она не могла применить силу, но ведь другие члены семьи Хань с радостью приструнят безумца ради собственного спасения. Переведя взгляд на застывших родственников Сиэня, она звучно произнесла:

— Наследник, должно быть, просто не так меня понял. Мы с племянником почти не виделись, так что некоторая отчужденность вполне естественна. Матушка, вы привели детей навестить

меня, а я уже велела подать лучшие угощения. Прошу вас, проходите во дворец, поговорим в тепле.

Старая госпожа Хань будто только сейчас очнулась от оцепенения. Ткнув дрожащим пальцем в сторону Сиэня, она в ярости закричала:

— Мерзавец! Наглый лжец! Пытаешься навлечь беду на весь наш честный род! Какое вопиющее непочтение, ты... — Договорить она не успела: схватившись за сердце и закатив глаза, старуха начала медленно оседать на землю, вознамерившись разыграть обморок и обвинить внука в подрыве её здоровья.

Наблюдая за этой комедией, Сиэнь хладнокровно заметил:

— Сегодня день рождения вдовствующей императрицы, светлый праздник. Если старой госпоже нездоровится, нам следует немедленно покинуть дворец и позвать лекаря. Вы ведь только что стояли подле Её Величества. Неровен час, заразили государыню своей хворью. Что тогда делать будем?

Услышав это, старуха мгновенно пришла в себя. Лицо её позеленело от злости, но падать на землю она передумала. Подоспевшая служанка Сянь-фэй поспешно подхватила её под локоть и обратилась к хозяйке:

— Госпожа, время позднее, да и на улице прохладно. Вдовствующая императрица велела беречь здоровье старой госпожи. На пороге дует, как бы гостя не простудилась.

Пользуясь удобным предлогом, Сянь-фэй велела увести старую госпожу в покои.

Переступая порог дворца, старуха обернулась и одарила Сиэня тяжелым, полным яда взглядом. Прочие родственники косились на юношу с ужасом, окончательно уверовав, что тот лишился ума.

Хан Минчжу тревожилась сильнее прочих. Она знала, сколько несправедливости натерпелся её брат за эти годы, и надеялась, что со временем он сможет благополучно порвать узы с семьей. Но девушка и представить не могла, что он изберет столь опасный путь — пойдет войной против собственного клана, в один миг выплеснув всё накопленное презрение и ярость.

Понимая, что ждет брата по возвращении домой, когда разгневанная семья окончательно отречется от него, Минчжу чувствовала, как внутри всё леденеет. Зачем он совершает это безумие?

В этот момент Сиэнь равнодушно окинул взглядом притихшую толпу и на мгновение задержал взор на сестре. В его глазах царило ледяное спокойствие. И вопреки здравому смыслу, глядя на невозмутимого брата, Минчжу вдруг успокоилась. Внутри крепла уверенность: у него есть

веские причины для столь отчаянного шага, и он наверняка продумал путь к отступлению.

Хан Юэчжун и Хан Юэцин были перепуганы насмерть. Сиэнь явно вознамерился втоптать доброе имя семьи в грязь и загнать весь род в ловушку. Лица кузенов потемнели от злобы: им казалось, что после несостоявшейся кончины этот заморыш превратился в бешеного пса, бросающегося на любого, кто окажется рядом.

Проходя мимо брата, Хан Юэвэнь с искаженным от недоумения лицом прошептал:

— Ты что, совсем с ума сошел?

Сиэнь на миг задумался и обронил:

— Возможно.

Коль суждено влачить жалкое существование, не имея возможности ни умереть, ни жить в свое удовольствие, то почему бы и не сойти с ума?

Дворцовые стены давили слишком сильно, людские помыслы казались беспросветно грязными, а удушливое отчаяние лишало всякого желания притворяться. А впрочем, он наверняка окончательно лишился рассудка еще во время десяти лет домашнего ареста в прошлой жизни.

Равнодушный тон брата уязвил Юэвэня, но не успел он возразить, как бдительная госпожа Лю крепко схватила его за рукав и увлекла за собой.

Сиэнь неторопливо поплёлся следом за остальными. Дворцовые стражники лишь качали головами, дивясь про себя: «Мало того, что этот Наследник коварен и безумен, так он ещё и обладает редкостным бесстыдством! Будь на его месте кто другой, со стыда бы сгорел и шагу ступить не посмел, а этот шествует как ни в чем не бывало».

И подобное мнение разделяли многие. Оказавшись в главном зале Дворца Вечного Доверия, под десятками укоризненных взглядов Сиэнь преспокойно уселся за стол и принялся лакомиться угощениями. Труды императорских поваров заслуживали похвалы: пирожные были в меру сладкими, рассыпчатыми и удивительно нежными на вкус.

Вглядываясь в холодное лицо юноши, Сянь-фэй на миг растерялась. Перед её мысленным взором вдруг ожил образ покойного Ван Ина во всем его былом величии. Когда она, будучи юной девушкой, впервые переступила порог дворца и встретила со всемогущим Императорским благородным супругом, тот смотрел на неё точно так же — отрешённо и свысока.

Тогда же она впервые увидела государя — молодого, статного, исполненного величия и благородства.

В тот день вдовствующая императрица неожиданно призвала её к себе и спросила: «Желаешь ли ты войти в императорский гарем?». Юная Хан Юнь, не колеблясь ни мгновения, выпалила: «Да».

Вдовствующая императрица посмотрела на неё с едва заметной усмешкой: «Подумай хорошенько, дитя. Дворец — место жестокое, и пока ты не переступила порог, ещё можно отказаться. Но коли дашь согласие, пути назад не будет».

Стоя на коленях, Хан Юнь заново переживала встречу с государем. Сердце её неистово колотилось. Сгорая от смущения, она прошептала: «Служить Его Величеству — величайшая милость для вашей покорной слуги. Я согласна».

Она вошла во дворец, но желанной ласки так и не дождалась — государь даже не смотрел в её сторону. Все его помыслы были заняты Ван Ином, этим ничтожным гэером. Мучаясь ревностью, она тайком разузнавала, где государь проводит свои дни, надеясь случайно попасться ему на глаза.

Однажды она прокралась в императорский сад и затаилась в тени. Там, под сенью цветущих османтусов, Ван Ин перебирал струны циня, а император вторил ему на бамбуковой флейте. Кадры плавно сменяли друг друга: звуки инструментов сливались в единую гармонию, а во взорах, обращенных друг к другу, читалась такая нежность, что влюбленные казались сошедшими с небес бессмертными супругами. Увы, то был императорский дворец, а не райские кущи.

Лишь три месяца спустя бесчувственного, лишившегося от хмеля рассудка государя привели в её покои. Всю ночь он бредил, беспрестанно призывая имя Ван Ина.

Той ночью её девичьи мечты рассыпались прахом, а сердце навсегда окаменело. В ней осталось лишь одно всепоглощающее желание — подняться как можно выше, растапывая любого на своём пути.

Наложница уже много лет не вспоминала соперника, но сейчас вдруг с ужасом осознала, что глаза Сиэня — такие же пронзительно-холодные — один в один походили на глаза покойного Ван Ина.

При мысли об этом Хан Юнь сжала кулаки, пряча дрожащие руки в широких рукавах парчового платья. Ногти до крови впились в ладони. Резкая боль вернула ей самообладание, но вместе с тем обнажила всю глубину затаённой в душе зависти и злобы.

И что с того, что тот гэер был прекрасен собой и купался в императорской любви? В итоге его растоптали, как придорожную пыль, он сгинул под бременем позора, а единственный выживший сын влачит во дворце жалкое существование, бесправный и презираемый всеми, словно бездомный пёс.

В былое время государь души не чаял в раскинувшемся саду османтусов, но после возненавидел эти цветы всей душой. Ныне на территории дворца не найти ни единого дерева — все они были вырублены по его приказу.

Разве покойник заслуживал её страхов? Нет, он давно превратился в прах.

Пока Сиэнь лакомился сладостями, вести о стычках у Дворца Величественного Феникса и во Дворце Вечного Доверия уже были скрытно доставлены Его Величеству.

Император, рассматривавший в этот момент старинные свитки в кабинете, слегка погладил округлый живот и усмехнулся:

— Сын герцога Хань, оказывается, весьма занятный малый. Мне прямо-таки нетерпится взглянуть на него. Приведите юношу в Императорский кабинет.

Евнух Юань Бао склонился в поклоне и торопливо покинул кабинет, направившись во Дворец Вечного Доверия с высочайшим повелением.

Дворец Вечного Доверия находился неподалеку от покоев вдовствующей императрицы, но вот от Зала Извивающегося Дракона его отделяло приличное расстояние. Впрочем, Юань Бао, закаленный многолетней службой, передвигался столь быстро и плавно, что преодолел этот путь в мгновение ока.

Услышав от слуг о прибытии евнуха Юаня, Хан Юнь сначала изумилась, но следом её сердце затрепетало от радости. Юань Бао был великим внутренним управляющим и самым приближенным слугой государя. Этот человек пользовался таким доверием, что его почтения искали все обитательницы гарема, включая саму императрицу.

В последние годы государь совсем охладел к женскому обществу. Коль в гарем не прибывали новые наложницы, он мог месяцами не переступать порог внутренних покоев, а если и жаловал вниманием, то неизменно шёл к императрице. Однако Хан Юнь, вырастившая Пятого принца, всё ещё лелеяла надежду вернуть его расположение.

Её больше не заботило, любит ли он её как женщину — ей требовалась лишь его благосклонность, способная вознести её сына на вершину власти.

Спешно приказав подготовить для гостя щедрое подношение, наложница лихорадочно соображала, как половчее вывести у него хоть какие-то новости. Пусть Юань Бао и славился умением держать язык за зубами, порой он не отказывался намекнуть на истинные мысли повелителя, если это не вредило его собственной шкуре.

Едва переступив порог зала, Юань Бао вежливо поклонился и объявил:

— Его Величество велит Наследнику герцога Хань немедленно явиться в Императорский кабинет для аудиенции.

Улыбка на лице Хан Юнь на мгновение застыла. Велев служанке незаметно вложить в руку гостя драгоценный нефритовый кулон чистейшей воды, она притворно вздохнула и промолвила с глубоким беспокойством:

— Достопочтенный евнух Юань, великая милость для моего племянника удостоиться личной встречи с государем. Однако юноша этот вырос в глуши и совершенно не обучен правилам приличия. Он только что умудрился рассердить вдовствующую императрицу, и я ума не приложу, как уберечь его от гнева Его Величества, если он и там допустит оплошность.

Привычным движением опустив подвеску в глубокий рукав, евнух сохранил на лице дежурную вежливую улыбку:

— Наложнице Сянь-фэй не стоит тревожиться. Прослышав, что здоровье Наследника наконец поправилось и он сумел лично явиться во дворец, Его Величество искренне обрадовался. К тому же сам господин герцог только что покинул Императорский кабинет, где как раз упоминал о вспыльчивом нраве и слабом знании приличий своего отпрыска. Так что государь обо всём предупрежден.

Услышав это, Хан Юнь вздохнула с облегчением. Она решила, что именно благодаря заступничеству её брата, герцога Хань Чжо, император согласился проявить снисхождение к болезненному Наследнику. В конце концов, дела гарема и государственных мужей всегда были неразрывно связаны.

Пока Герцогское поместье крепко стоит на ногах, её собственное влияние во дворце останется незыблемым, а её благополучие, в свою очередь, обеспечит величие всего клана.

Но всё же при первой возможности ей необходимо передать весть старшему брату: от этого безумного Наследника нужно избавиться, заменив его на кого-то более покладистого.

Юань Бао хранил на лице маску вежливой бесстрастности. И то, что герцог Хань встречался с императором, и то, что они упоминали Наследника — всё это было чистой правдой, евнух не солгал ни словом. А уж какие выводы сделает из его речей наложница и куда заведёт её воображение, было не его заботой.

Воле императора никто противиться не смел. Вспомнив о недавних безумных речах Сиэня, члены его семьи затрепетали от ужаса, гадая, не посмеет ли этот сумасшедший нести подобную околесицу перед ликом государя. Даже всегда невозмутимая старая госпожа не сумела скрыть проступившей на лице тревоги.

Пока управляющий Юань терпеливо ожидал снаружи, Сиэнь не спеша приводил в порядок одежду.

Проводив взглядом перепуганное младшее поколение семьи Хань, Сянь-фэй повернулась к Сизню и, ласково улынувшись, шагнула к нему. Со стороны казалось, будто заботливая тётушка напутствует племянника перед важной аудиенцией, но её тихий шепот был полон яда:

— Государь наш милостив и добр, так что отвечай на его расспросы со всем почтением. А что касается Минчжу... Девчушка только вернулась из диких приграничных земель, и она мне очень приглянулась. Подумываю оставить её во дворце на пару недель, дабы скрасить моё одиночество приятной беседой.

Выслушав эту неприкрытую угрозу, Сизнь даже бровью не повел. Он ответил столь же тихим, приторно-мягким тоном:

— Ваша симпатия к Минчжу — великая честь для бедной девочки. О моих же ответах государю вам беспокоиться не стоит. Но если я случайно сболтну лишнего и навлеку на себя гнев Его Величества, под горячую руку можете попасть и вы. Если из-за моей оплошности вы загремите в Холодный дворец, то гостить у вас Минчжу точно не сможет. Какое горе для вас выйдет, не находите?

Хан Юнь задохнулась от возмущения:

— Ах ты...

Но Сизнь лишь скользнул по ней безразличным взором, небрежно стряхнул невидимую пылинку с широкого рукава и зашагал к выходу, где его дожидался Юань Бао.

Заметив по бледности и худобе юноши, насколько тот слаб здоровьем, Юань Бао убавил шаг, позволяя ему идти вровень и не выбиваться из сил.

По пути Юань Бао украдкой поглядывал на спутника. Встретившись с его пронзительным взглядом, евнух ощутил странный укол в груди — столь сильным оказалось сходство с покойным господином Ван Ином. Прочистив горло, он негромко произнес:

— Молодой господин впервые предстанет перед Его Величеством, но робеть вам не стоит. Государь часто расспрашивал лекаря Чжоу о вашем самочувствии и искренне за вас беспокоился, оттого и пожелал лично удостовериться в вашем выздоровлении.

Сизнь сразу уловил скрытое дружелюбие в словах старого слуги. Слегка склонив голову, он почтительно проговорил:

— Премного благодарен вам за предупреждение, евнух Юань.

Юань Бао лишь понимающе прищурился и больше не проронил ни слова.

Переступив порог Императорского кабинета, Сизнь склонился перед восседавшим за столом правителем и на сей раз без лишних пререканий опустился на колени.

Всё это время Сизнь размышлял о причинах своего странного бессмертия в этом мире. Возможно, он никак не мог уйти на покой из-за того, что отказывался принять местную реальность, оставаясь сторонним наблюдателем.

Чтобы разорвать этот замкнутый круг, ему следовало примерить на себя личину Наследника Хан Сизня, оставив воспоминания о прошлой жизни. И пусть колени сгибались неохотно, он решил подчиниться правилам дворцового приличия. Его не пугал смертный приговор за дерзость, но ему до смерти надоело раз за разом засыпать и просыпаться в одном и том же теле.

Поэтому на сей раз он решил разыграть покорность. Впрочем, сие исключение предназначалось для одного-единственного человека — императора.

Государь молча разглядывал склонённого перед ним юношу, не торопясь позволить ему подняться. Лишь четверть часа спустя в тишине кабинета прозвучал глубокий голос:

— Подними голову, дай мне взглянуть на тебя.

Будь на его месте изнеженный гэер, он усмотрел бы в этих словах двусмысленный намек, но Сизнь прекрасно понимал: монархом двигало простое любопытство. Ему хотелось понять, откуда в этом чахоточном заморыше взялось столько дерзости, чтобы за одно утро умудриться оскорбить и вдовствующую императрицу, и наложницу Сянь-фэй.

Сизнь послушно поднял лицо. Повелитель медленно окинул его оценивающим взглядом и насмешливо изогнул бровь:

— До меня дошли слухи, что в покоях вдовствующей императрицы тебя разбил внезапный недуг, из-за чего ты нарушил этикет. Оказавшись же во Дворце Вечного Доверия, ты и вовсе затеял ссору с Сянь-фэй. Почему же передо мной ты стоишь тише воды, ниже травы?

Встретившись с монархом взглядом, Сизнь ответил со всей прямоотой:

— Потому что Поднебесная принадлежит Его Величеству, а не вдовствующей императрице и уж тем более не наложницам. Что же касается моих проступков, то перед Её Величеством ваш покорный слуга действительно виноват в непочтительности, поскольку не успел совершить поклон из-за приступа. Но вот перед наложницей Сянь-фэй моя совесть чиста.

Государь издал негромкий смешок, но в его голосе прозвучали опасные нотки:

— И всё же мне чудится в твоих словах глубокая неприязнь к наложнице Сянь-фэй.

— Ваше Величество заблуждается, у вашего покорного слуги нет обиды на наложницу, — ровным голосом ответил Сиэнь. — Скорее это Сянь-фэй испытывает ко мне некую неприязнь. Пожалуй, именно из-за её «заботы» я и пролежал в постели без движения столько лет.

Государь прищурился, вглядываясь в лицо стоявшего перед ним юноши:

— Неужели ты жалуешься мне на Сянь-фэй? Не боишься, что я велю лишить тебя головы за подобную дерзость?

Сиэнь поднял прямой, открытый взор на повелителя Поднебесной:

— Я не жалуюсь, Ваше Величество. Я лишь говорю правду.

Глядя на упрямого юношу, неподвижно стоявшего на коленях, и его холодный взор, император невольно вспомнил слова лекаря Чжоу. Тот уверял, что молодой человек неуловимо напоминает покойного господина Ван Ина.

Племянники часто наследуют черты своих дядей. Глаза Сиэня действительно до дрожи походили на глаза Ван Ина, а манера держаться казалась точной копией манер его усопшего возлюбленного. Вот только лицо парня было слишком истощенным, лишенным былого очарования. Государь лениво подумал: «До чего же хочется вырвать эти глаза, чтобы те, прежние, остались единственными в мире...»

Сиэнь уловил эти зловещие, безумные мысли, рождавшиеся в чужой голове, но на его лице не дрогнул ни один мускул.

Спустя минуту томительного молчания государь заговорил вновь:

— Раз уж тебе удалось склонить старого упрямого лекаря Чжоу то и дело заводить о тебе речь в моём присутствии и помогать тебе, ты явно не обделен умом. Ты прекрасно умеешь использовать людские слабости. Так скажи мне: приложив столько усилий, чтобы предстать перед моими очами, чего ты желаешь?

Сиэнь спокойно встретил взгляд государя:

— Ваш покорный слуга желает лишь одного — жить по собственной воле, не оглядываясь ни на кого.

Император громко рассмеялся, глядя на него с явной усмешкой:

— Жить по собственной воле? Даже я, владыка Поднебесной, не могу позволить себе подобной роскоши, а ты требуешь этого без тени сомнения.

Опустив глаза, Сиэнь безучастно обронил:

— Ваш покорный слуга уже побывал на том свете. Я не боюсь кончины и не ведаю страха. Это лишь моё заветное желание, но если ему не суждено сбыться... что ж, мне всё равно.

Услышав этот ответ, государь на миг застыл. Память унесла его на много лет назад. Ему почудилось, будто перед ним вновь стоит Ван Ин, ласково перебирая его волосы и шепча: «Мне душно в этих золотых стенах, ты и сам знаешь. Тебе не под силу подарить мне волю. Но это не важно, пока ты рядом...»

Взор правителя затуманился. Вглядываясь в лицо юноши, столь безразличного к собственной участи, он негромко спросил:

— Неужели все вы, в чьих жилах течет кровь клана Ван, рождаетесь столь отчаянными? Откуда в вас это высокомерное пренебрежение к жизни и смерти?

Сиэнь промолчал, не считая нужным оправдываться.

Государь и не ждал ответа. Он продолжил:

— Ты на редкость проницателен и видишь суть вещей. Ту жизнь, о которой ты грезишь, я могу тебе даровать. Члены семьи Хань больше не посмеют поднять на тебя голос, весь мир будет трепетать перед твоим именем, и тебе больше ни перед кем не придётся склонять голову. Но за всякую милость нужно платить. Понимаешь ли ты это?

— Ваш покорный слуга всё понимает, — ответил Сиэнь. — И я готов платить.

— Встань, — повелел император.

Сиэнь поднялся с колен. Повелитель смерил его долгим, оценивающим взглядом:

— Отныне ты станешь моим тайным клинком и бельмом на глазу для каждого вельможи в Поднебесной. Что ж, мне любопытно посмотреть, насколько далеко ты сумеешь зайти.

Сиэнь молчал. Ни одна живая душа в империи не догадывалась, что государь люто ненавидел собственную мать, и никто не знал, сколь омерзительны ему были обительницы его собственного гарема.

Сиэнь отказался выказать почтение вдовствующей императрице лишь потому, что его тайное чутье подсказало: за расписной ширмой в её зале только что расстался с жизнью человек. Перепуганная собственным злодеянием правительница поспешила замять дело, побоявшись раздуть скандал. Сам же император и вовсе не собирался карать юношу за пренебрежение к

мачехе.

Что же касается наложницы Сянь-фэй, она никогда не пользовалась его благосклонностью. Государь питал отвращение ко всем, кто приложил руку к гибели Ван Ина. Его план был прост и жесток: вознести этих тварей как можно выше, окружить фальшивым почетом, а после — со смехом сбросить в бездну.

Но император был всего лишь человеком, и жизнь частенько ломала его коварные замыслы. В последние годы отлаженный план начал давать сбои, и теперь ему требовалось острое оружие, способное безжалостно расчистить путь от сорняков. Сиэнь подходил на эту роль идеально. У императора был отличный повод оказывать ему покровительство, оправдывая любые безумства, а сам юноша отличался редкостной дерзостью и бесстрашием.

Сиэнь поймал себя на мысли, что в глубине души этот могущественный правитель заслуживает жалости.

<http://bllate.org/book/20088/2001984>